

“СРПСКА МОДЕРНА” В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературная жизнь в Сербии в конце XIX в. начинает интенсивно развиваться, что связано не только с подъемом национально-общественного движения, но и с распространением модернистских течений в Европе.

Термин “модерн” в сербской литературе применялся к таким новым течениям, как символизм, поэзия “Парнаса”, неоромантизм.

Явление “српска модерна” по-своему уникально и имеет специфические особенности. Во-первых, его развитию и углублению способствовали непосредственные контакты молодого поколения литераторов, которые обучались за границей – главным образом во Франции и Швейцарии, что по-

ощирялось властями, выделявшими для этого стипендии, – с европейской культурной средой. Во-вторых, появлялись многочисленные переводы на сербский язык поэзии Ш. Бодлера, поэтов парнасской школы.

Пройдя этап заимствований и ученичества, сербские модернисты попытались внедрить новый художественный опыт и идеи в национальный литературный процесс, создать оригинальную поэзию, основанную на местном колорите.

Идеологом новой модернистской литературы явился критик и публицист Димитрий Митринович, сотрудничавший с журналом “Босанска вила” (г. Сараево). Его философско-эстетические взгляды базировались на трудах И. Канта, Ф. Ницше, русских религиозных мыслителей, в сферу литературных интересов попадает древняя культура и современность, творчество русских писателей XIX – начала XX в. Волновала его и идея югославянского единства (весьма актуальная на то время). В своих теоретических трудах Д. Митринович отстаивает право творческой личности на свободное самовыражение, а в собственной поэзии более всего тяготел к экспрессионизму.

Знаковыми фигурами в сербской модернистской поэзии явились Йован Дучич и Милан Ракич. Оба поэта получили образование за границей: Й. Дучич учился в Женеве, М. Ракич – в Париже; по возвращении на родину состояли на дипломатической службе, сотрудничали с одним из авторитетных журналов “Српски книжевни гласник”.

Большую роль в формировании их литературных приоритетов сыграло знакомство с французской поэзией: представителями парнасской школы (А. Сюлли-Прюдомом, А. де Ренье, Ж.-М. де Эредиа и др.) и символистами, особенно Ш. Бодлером, П. Верленом.

В творчестве сербских поэтов наиболее ярко были выражены такие стороны символизма, как новаторские поиски в области многозначности слова, создание двупланового образа, вызывающего поток различных ассоциаций.

Й. Дучич обогащает поэтический язык при помощи неожиданных и необычных сочетаний слов, открывает в них тонкие многосмысловые нюансы. Отсюда любовь поэта к метафоре. М. Ракич для обновления поэтической речи заменяет устаревшие выражения неологизмами или взятыми из разговорного языка.

Оба поэта предлагают новые образы-символы для сербской поэзии. В лирике М. Ракича символом жизни человека становится судьба измученной лошади, вращающей колесо старой водокачки (“Чигирь”). Й. Дучич героине народных песен виле, покровительнице и заступнице легендарных борцов за свободу, противопоставляет образ меланхоличной бледной девы с желтыми розами в волосах (“Моя поэзия”). Погруженная в себя, равно-

душная к людским бедам и вообще чуждая любым земным проблемам, она “слишком горда, чтобы жить для других”. Подобная отстраненность придает некую элитарность лирике Й. Дучича, что находит продолжение в его изящных миниатюрах из жизни любимого поэтом Дубровника эпохи барокко (цикл “Дубровницкие поэмы”). “Действующие лица” цикла – дамы и кавалеры, представители старинных родов, доминиканские монахи, поэты. Куртуазные беседы, балы, развлечения создают атмосферу подчеркнутой изысканности. Поэт следует одному из своих главных принципов: удел поэзии – Красота. В духе парнасской школы Й. Дучич усматривает ее в изяществе вещей, окружающих человека, передает ее пластичными, живописными образами, точными, конкретными деталями. В то же время объективная манера письма сочетается с легкой иронией, игривостью тона (“Мадригал из Дубровника”).

Сфера лирики сербских символистов – любовь, природа, рефлексия о жизни и смерти.

Й. Дучич в стихах о любви передает тонкие психологические нюансы, интимные стороны любовных переживаний, незнакомые раньше сербской лирике, что способствовало более современному звучанию в ней этой темы. У М. Ракича любовная лирика отражает многогранность реальных, конкретных переживаний влюбленных. Поэту чужда сентиментальность. Он скорее ироничен в легком увлечении, утонченном эротизме “*галантного любовника*”. Характерна для лирики поэта тема чувственной страсти, прибежища и спасения от тяжких настроений (“Отчаяние”); жажда любви, радость обладания сменяются меланхолией, прозой расставания (“Обычное”). Не обошел стороной поэт и свойственный для символистов мотива поклонения женщине как некой таинственной, мистической силе (“Орхидея”).

С темой природы связана лучшая часть поэзии Й. Дучича (циклы “Тени на воде”, “Адриатические сонеты”, “Солнечные стихи” и др.). Поэт тонко чувствует природу, он наблюдателен, умеет найти точную деталь, создать конкретный образ, стихи проникнуты душевным состоянием поэта. Тревогу, настороженность, напряженность лирического героя передают такие характерные для Й. Дучича образы, как ночной мрак, черный ветер, черные дожди, шум ночных тополей. Природа помогает выразить смутные ощущения, неуловимые движения души, конкретный образ, который в ряде случаев возникает в начальных строках стихотворения, перерастает в символ с философским смыслом. В более поздних циклах сербского символиста природа выступает как самостоятельный мир, к которому поэт относится с неподдельным интересом и теплом. Он любуется полем в желтизне спелого ячменя, ежевикой, освещенной солнцем, речной отмелью, распустившимися подснежником.

Тема природы у М. Ракича сливается с чувственными переживаниями лирического героя. *“Природа – это спасение, утешение и надежда”*. Образное воплощение природы основано на тонком восприятии автором предметной, вещественной красоты земли – неброской, внешне спокойной. М. Ракич любит вечерние сумерки, пасмурный день, лунный свет, в его звуковой палитре часто просто – тишина. Особое обаяние придают природе конкретные приметы города – Белграда. Через поэтизацию города автор приходит к обобщениям об исторической судьбе народа: *“Как спокойны все наши пейзажи, / И полны грусти в вечерние часы, / Словно душа нашего страдальческого рода / Блуждает по ним и ищет утешенья”* (“Три письма”) [2, с. 67].

Рефлексивная лирика у сербских символистов явилась следствием декадентских настроений. Концентрируя внимание на судьбе личности, поэты приходят к пессимистическим выводам: одиночество, горечь утрат, обреченность терпеть насилие, жить в страхе перед старостью, смертью, забвением. С большей силой этот мотив отражается в лирике М. Ракича. Но все же пессимизм не безысходен: тяга к жизни дарит надежду. Обращенный в себя поэт не теряет связей с людьми, отзываясь искренним сочувствием на боль другого (“Грусть”).

Следуя основным принципам символизма, сербские поэты экспериментируют и в области стиха. Й. Дучич из стихотворных форм предпочитает сонеты, катрены, использует короткую (усеченную) строку. М. Ракич развивает строгий, классический стиль, форму его стихов находят безупречной. Однако сонет не был характерным для него жанром, поэт предпочитал более свободный тип стиха.

Таким образом, поэты “сербского модерна” значительно обогатили национальную поэзию новыми образами, символами; разнообразили содержание любовной и пейзажной лирики, придав ей интимную тональность, психологичность, ассоциативность чувств и множество разнообразных настроений и ощущений; каждый из поэтов, руководствуясь собственным видением мира, предложил свои стилистические новшества в области стиха, раскрыл новые выразительные возможности национального языка.

Литература:

1. История литератур западных и южных славян. Т. 3: Литература конца XIX – первой половины XX (1890-е – 1945 год). – М.: Изд. “Индрик”, 2001. – 992 с.
2. Поэзия Югославии в переводах русских поэтов / сост. А. Романенко, Б. Слупский. – М.: Худ. лит., 1976. – 366 с.
3. Станишич, Йоле. Йован Дучич и русская культура: Сербско-русские литературные связи конца XIX – начала XX в. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) / Йоле Станишич. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1991. – 267 с.